

Когда тебя донимает человек, который тебе совершенно несимпатичен, — это ли не верх раздражения?

Пожалуй, это именно то состояние, когда любое его действие вызывает неприязнь, когда хочется, чтобы он исчез из поля зрения на весь день, когда даже вещи, хоть как-то с ним связанные, вызывают отторжение!

Но Син Чжаоюэ не мог себе этого позволить. Он был вынужден постоянно находиться рядом с этим человеком, и мало того — ему приходилось притворяться, будто он совсем не тяготится его обществом.

Цзян Линь, разумеется, об этом даже не догадывался. Он то проявлял нежность и заботу, то становился упрямым и властным. Вот и сейчас, на улице, он вознамерился держать Син Чжаоюэ за руку, и, словно обезумев, настаивал на своем: хочет идти, держась за руки, — значит, будет, и плевать ему, сопротивляется Син Чжаоюэ или нет, нравится ему это или он в ярости. В любом случае, он собирался держать его за руку.

Прохожие изредка бросали на них странные взгляды. Нравы в Южной стране были простыми, мало кому приходило в голову гадать, что их связывает, а если кто-то и задумывался, то не стал бы обсуждать это во всеуслышание.

Син Чжаоюэ редко покидал дворец. На него часто смотрели — с благоговением, трепетом, страхом, лестью или подобострастием. Но таких взглядов, полных обычного человеческого любопытства, он еще не встречал. Ему было не по себе, но еще большее беспокойство вызывал обжигающий жар, исходивший от ладони Цзян Линя.

— Что такое? — Цзян Линь заметил перемену в его настроении и с сомнением спросил.

Син Чжаоюэ попытался незаметно высвободить руку, но Цзян Линь лишь усмехнулся, крепче сжал его пальцы и провел кончиками своих по его ладони. Син Чжаоюэ резко дернулся, пытаясь вырваться, однако Цзян Линь только сильнее стиснул его руку и, склонившись к самому уху, прошептал:

— Не балуйся. Народу много, неужели хочешь, чтобы я прямо здесь с тобой расправился?

Дыхание Цзян Линя коснулось затылка Син Чжаоюэ. Тот глубоко вздохнул, сдерживая порыв придушить наглеца на месте.

В это мгновение опасность подкралась незаметно.

С крыши метнулось скрытое оружие, целясь прямо в основание черепа Син Чжаоюэ. Хотя его внутренняя сила была временно заблокирована, бдительность никуда не делась, вот только тело стало медленнее. Он почувствовал, как сильная рука обхватила его за пояс, и в

следующее мгновение они взмыли в воздух. Позади осталась толпа, а Цзян Линь, продолжая прижимать его к себе, взлетел на крышу.

— Хорошее владение легкостью, — заметил Син Чжаоюэ.

— Ха-ха, надо же, Юэхэн впервые меня похвалил, — Цзян Линь не удержался и обернулся, одарив его улыбкой.

Син Чжаоюэ приподнял бровь:

— Неужели?

Цзян Линь хотел было ответить, но Син Чжаоюэ хлопнул его по плечу:

— Сосредоточься на полете! Впереди люди!

Трое человек, появившихся на крыше, были в черных масках. Они действовали жестоко, каждый удар был смертельным. По всему было видно, что это не наемные убийцы из вражеской страны, а верные слуги Да Ци. К счастью, мастерство Цзян Линя было велико, но после нескольких разменов ударами он пропустил выпад в грудь и, не выпуская Син Чжаоюэ, рухнул с трехэтажной крыши вниз.

Когда преследователи в черном бросились следом, на земле они обнаружили лишь яркие, залитые кровью лоскуты ткани. И след двоих беглецов простыл.

Цзян Линь, крепко сжимая руку Син Чжаоюэ, петлял по узким переулкам, и только убедившись, что погони нет, тяжело дыша, остановился. Син Чжаоюэ, лишенный внутренней силы, всю дорогу лишь волочился за Цзян Линем, и стоило тому отпустить его руку, как он едва не повалился на землю.

Цзян Линь подхватил его за талию, прижимая к груди. Видя, как тяжело дышит Син Чжаоюэ, он склонился к его губам и спросил:

— Хочешь... я помогу тебе отдышаться?

— Ты... делаешь это нарочно, верно? — с трудом выговорил Син Чжаоюэ. При каждом выдохе его дыхание касалось щек Цзян Линя. Тот прижал его еще крепче, коснулся своим лбом его лба и со вздохом произнес:

— Юэхэн, кто же ты такой на самом деле? Раз тебя так отчаянно преследуют! У твоего мужа сердце из груди выпрыгивает от страха...

Неизвестно, из-за слов о муже или оттого, что они оказались слишком близко, Син Чжаоюэ резко оттолкнул Цзян Линя и, ухватившись за каменную тумбу, устоял на ногах.

Хоть они и выглядели потрепанными, им все же удалось ускользнуть от преследователей.

— Я боялся, что ты заскучаешь в усадьбе, вот и решил вывезти тебя подышать воздухом. Кто же знал, что встретим убийц? Кажется, ты не очень-то рад прогулке? — с невинным видом заметил Цзян Линь.

Их гнали до самых городских ворот, но теперь они снова свернули в город. Неудивительно, что преследователи отстали — наверняка они устремились за город. Сейчас они стояли на старом мосту, лучи заходящего солнца золотили волосы Цзян Линя.

Син Чжаоюэ внезапно рассмеялся:

— Кто бы посмел? Сейчас я все равно что калека, живу лишь благодаря твоим милостям. Видишь, приходится полагаться на твою защиту. Должен ли я пасть ниц в благодарности?

Цзян Линь был ослеплен этой улыбкой. Он замер, глядя на него, словно завороченный.

Син Чжаоюэ постепенно перестал смеяться. Глядя на человека, который продолжал смотреть на него с такой глубокой нежностью, он вдруг вспомнил, как в тот день Цзян Линь признался ему в любви.

<http://bllate.org/book/18639/1794933>